

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(19)

2010

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Везбицкая (Австралия), А. А. Гиттиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Г. Эрли, О. Трефилова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индексы 44088 и 42373.

Подписано в печать 07.10.2010. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2010
© Авторы, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>А. М. Молдован</i> К истории фазового глагола <i>стать</i> в русском языке	5
<i>И. И. Макеева</i> Акцентная микросистема русского иноческого сборника XVII века	18
<i>М. С. Мушинская</i> Об одной лексической псевдоинновации в Изборнике 1076 г. (вино → медъ)	63
<i>А. В. Зубкова</i> К вопросу о сказуемости употреблении причастий в летописях XV—XVI вв.	89
<i>С. К. Пожарицкая</i> Модальные слова, производные от глаголов <i>быть, бывать</i> , в севернорусской диалектной речи	103
<i>Е. С. Скачедубова</i> Реализация гласных фонем в первой основе сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке	132
<i>Е. В. Корпечкова</i> Развитие архаических типов вокализма в говорах севера Белгородской области	143
<i>В. В. Шаповал</i> Графические дублиеты в словарях: приемы верификации	158
<i>Н. В. Гатинская</i> Семантико-синтаксическая история слов <i>очивѣсть, очевидно</i>	169
<i>А. Б. Летучий</i> Странное «согласование времен» в русском языке	210
<i>Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий</i> Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах. II. Щѣки	222

Полемика

<i>А. Д. Шмелев</i> Языковые факты и корпусные данные	236
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

- Хроника Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург — «Зеленый Мыс», 8—12 сентября 2009 г.) (Е. Д. Казакова, Е. В. Шабалина) 266
- Хроника Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества» (А. В. Тер-Аванесова) 274
- Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2009 года (О. Г. Ровнова) 280

Рецензии

- Великие четьи минеи. Проблемы и задачи нового издания. Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij Spisok. 1.—8. Mai / Hrsg. von E. Weiher u. a. — Freiburg i. Br. 2007. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; T. 51, *51.) — 639, *210 S. (А. А. Алексеев).....291
- Протоиерей Георгий Крылов. Книжная справа XVII века. Богослужбные Минеи. — М.: Индрик, 2009. — 496 с. (В. М. Живов).....305

Обзоры

- Т. В. Рождественская. Язык и письменность средневекового Новгорода: Богослужбные надписи и берестяные грамоты XI—XV вв.: Учеб. пособие СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 136 с. 311
- Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев; Под ред. А. С. Герда. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — (Памятники русской агиографической литературы; 11) — 196 с. 312
- Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation: Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter / Hrsg. von Juliane Besters-Dilger und Fedor V. Poljakov. = Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация: Сб. ст. памяти Герты Хюттл-Фольтер / Под ред. Ю. Бестерс-Дильгер и Ф. Полякова. — Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2009. (Русская культура в Европе = Russian Culture in Europe / Ed. by Fedor V. Poljakov; Vol. 5). — 384 с. 314
- Secondary predicates in Eastern European languages and beyond / Ed. by Ch. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder. Oldenburg: BIS, 2008. — 449 S. (Studia Slavica Oldenburgensia; 16). 316
- Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 240 с. 318

М. С. МУШИНСКАЯ

**ОБ ОДНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПСЕВДОИННОВАЦИИ
В ИЗБОРНИКЕ 1076 г. (ВИНО → МѢДЪ)***

Изборник 1076 г. (далее И76) известен науке с начала XIX в. и на протяжении всей истории русистики входил в число наиболее часто упоминаемых и цитируемых текстов в работах по истории древнерусской литературы, лексикографических трудах и лингвистических исследованиях. В то же время об истории текста И76 до недавнего времени было известно крайне мало¹. Были определены славянские (древнеболгарские) источники отдельных входящих в него текстов, однако в целом, как компиляция, он занимал изолированное положение в древнеславянской книжности.

В исследованиях не раз отмечалось, что тексты многих источников вошли в И76 в сильно переработанном виде. Изменения, порой весьма глубокие, затрагивали разные уровни текста: структуру, содержание, язык. Пока между И76 и славянскими оригиналами его составных частей не было обнаружено промежуточных звеньев, эти радикальные изменения относили на счет составителя самого сборника. Считалось, что И76 составлен древнекиевским книжником из десятков находившихся в его распоряжении древнеболгарских источников. Сталкиваясь с разрывом между исходными версиями и их отражениями в И76, исследователи ставили его в связь с географической принадлежностью текстов, приписывая киевскому книжнику особый способ обращения с источниками, принципиально отличный от традиций древнеболгарской книжности, который описывали в терминах «лаицизации» [Lepissier 1966] и «киевизации» [Ševčenko 1966: 735] литературного текста. В литературе сложилось мнение, что язык И76 в значительной степени русифицирован, причем, в отличие от современных ему рукописей (например, Изборника 1073 г.), восточнославянская окраска присуща ему не только на уровне фонетико-орфографической и морфологической систем, но и в области лексики, см., напри-

---

* Работа выполнена в рамках государственного контракта от 20 июля 2009 г. № 02.740.11.0368 (шифр 2009-1.1.304-075-020) по теме: издание научно-образовательной системы для обработки и лингвистического исследования рукописных памятников Древней Руси.

¹ Обзор литературы на эту тему см. в [И76-2009, 1: 26—33].

мер, [Ševčenko 1966: там же; Мещерский 1977: 92; Нимчук 1985; Пичхадзе 2003: 22].

Взгляд на происхождение Изборника радикально изменился после того, как голландский исследователь У. Федер обнаружил ряд типологически сходных сборников в древнерусских и южнославянских списках, установил генетические связи между ними и показал, что они восходят к одному прототипу, для которого он ввел условное название «Княжий изборник» (далее КИ) [Veder 1983; 1994; 2008]. Это открытие позволило достаточно точно определить место И76 в текстологической традиции и рассматривать входящие в него тексты в перспективе изменений, которые они претерпели от первоначальных переводов с греческого до момента создания рукописи.

По мнению У. Федера, КИ был составлен в болгарском Преславе ок. 930 г. Именно на этом этапе тексты, включенные в КИ, подверглись глубокой переработке. По нашим наблюдениям, существовало не менее трех стадий эволюции КИ от момента его составления до создания И76². Главный вопрос, касающийся истории текста И76, теперь формулируется так: протекало ли это развитие во всех своих стадиях на южнославянской почве (как полагает Федер) или же часть этой эволюции принадлежит уже восточнославянскому ареалу?

Сопоставление текста И76 с данными родственных рукописей, учтенными в [Veder 2008; И76-2009], показывает, что некоторые черты И76, которые раньше казались его индивидуальными инновациями, на самом деле восходят к предшествующим стадиям эволюции текста. В число таких особенностей входит и лексика, которую традиционно относили к характерным русизмам И76. Не исключено, что мнение о восточнославянской окраске некоторых из этих лексем требует пересмотра, поскольку оно могло сложиться на основании их фиксации в И76. Предварительный анализ лексических разночтений в И76 и генетически связанных с ним сборниках показывает, что значительная часть изменений, внесенных в текст И76 на последнем этапе его истории, направлена на восстановление церковнославянских норм и унификацию языка текстов, довольно разнообразных по своему происхождению.

В настоящей работе мы разберем один эпизод из истории текста И76, иллюстрирующий значение его лексических особенностей на фоне данных родственных списков. Речь идет о многократно встречающейся в них замене лексемы **вино** на **медъ**.

Приведем необходимые для дальнейшего изложения сведения о сборниках, восходящих к КИ (подробнее о них, а также о славянских источниках КИ и их греческих оригиналах см. в [И76-2009]).

Старшая стадия КИ (КИ2) представлена Мелецким сборником (М — Киев, НБУ НАНУ, Мел. м./п. 119), кон. XVI в., югозападнорусская. У. Фе-

---

² У. Федер думает иначе: он выделяет в истории сборника всего две стадии и для второй вводит название «Изборник грешного Иоанна».

дер [Veder 1982: 154] квалифицировал рукопись (в части, восходящей к КИ) как списанную со среднеболгарского оригинала, но не объяснил, на каких орфографических особенностях рукописи основано это заключение. Такие в изобилии встречающиеся в ней черты, как неразличение **ъ** и **ь** (особенно в конце слова), **а** вместо **я** после гласных, **лъ**, **ръ** в корневых сочетаниях редуцированных с плавными, входят в югозападнорусскую орфографическую норму XVI в., см. [Соболевский 1908: 86; Гальченко 2000: 138—139]. Юсы в рукописи не употребляются; есть следы их мены, например: 58 об. **волта** (вин. ед.) 2 р., 54 об. **плачашаста**, 58 **падающаа** (вин. ед. ж. р.), 74 об. **ю** (род. ед. ж. р.) 2 р., — но это также может идти от древнерусского протографа, относящегося к эпохе второго южнославянского влияния. Более показателен изредка встречающийся **ѣ** на месте этимологического **а** (51 об. **оувѣдаеть**, 53 **любѣи**). Таким образом, хотя надежно определить оригинал западнорусской рукописи в принципе трудно, следует согласиться с тем, что мнение о болгарском протографе этого списка имеет под собой основания. К нему очень близок Уваровский список (**У** — Москва, ГИМ, Увар. 157—4°, 2-я четв. XVII в.). Его данные не имеют самостоятельного значения для текстологии КИ и привлекаются в качестве вспомогательных при анализе особенностей М.

Младшую стадию КИ (КИЗ) представляют:

П (Погодинский сборник) — Санкт-Петербург, РНБ, Пог. 1032. XV в., древнерусская. Второстепенным по отношению к нему является Воскресенский сборник (**В**) — Москва, ГИМ, Воскр. № 110. XVI—XVII вв., древнерусская.

А — Санкт-Петербург, БАН, Т. п. 13. XIV в. (1360—1380 гг.), сербская.

О — Саратов, НБСГУ 45. Кон. XV — нач. XVI вв., древнерусская.

* * *

На употребление слова **медъ** вместо **вино** как на характерную особенность И76 обратил внимание еще А. Х. Востоков [1858—1861, 1: 210]. Впоследствии исследователи неоднократно отмечали факт вторичности лексемы **медъ** в И76, опираясь на лингвистический и текстологический анализ контекстов. М. Н. Сперанский [1904: 426], сравнивая вариант И76 65 об. 9 (текст приведен ниже) с обнаруженным им параллельным текстом в южнославянском болгарском сборнике XIV—XV вв. (РГБ, Музейн. 2531), заметил, что первичность чтения **вино** в болгарской рукописи несомненна, так как в И76, где вместо этого читается **медъ**, относящееся к нему местоимение **к** осталось не согласованным с ним по роду. Н. А. Мещерский [1976: 37] указал на случай грамматической несогласованности в И76, 268 об. 6—9, где с подлежащим **медъ** связаны предикативные причастия среднего рода³. Поскольку лексема **медъ** в значении ‘хмельной напиток’

³ Правда, здесь не исключено безлично-предикативное употребление причастий. Мещерский рассмотрел эту возможность, но отнесся к ней скептически, отме-

хорошо представлена в оригинальных древнерусских произведениях, а в южно- и западнославянских памятниках до сих пор не была засвидетельствована, то и замена **вино** → **медъ** в тексте И76 расценивалась как одно из проявлений его русификации и связывалась с тем, что виноградное вино на Руси не было так употребительно, как мед [Мещерский 1976: 37], или «было доступно только имущим классам» [Нимчук 1985: 19] (на это последнее соображение можно было бы возразить, что неимущим классам книги были едва ли доступнее).

До тех пор, пока для фиксаций лексемы **медъ** в И76 не было известно аналогов в параллельных текстах других рукописей, отнесение данного явления к русизмам было абсолютно оправданным, см. также [Пичхадзе 2003: 22]. Однако после того как текст И76 был сопоставлен с привлеченными У. Федером родственными списками, оказалось, что эта особенность присуща не только И76. Слово **медъ** в значении ‘хмельной напиток’ обнаружилось, в частности, в Мелецком сборнике — представителе ранней стадии КИ, отделенной от И76 не менее чем двумя текстологическими поколениями. После этого вопросы о происхождении замены **вино** → **медъ** в И76, а также о ее языковом статусе встали заново⁴. Мы начнем с текстологического анализа этой замены в списках КИ, а затем попытаемся сопоставить наши данные с аналогичными фактами в других славянских памятниках.

Картина распределения лексем **вино** и **медъ** в списках КИ такова⁵:

тив, что, хотя такие конструкции встречаются в современном диалектном восточно- и западнославянском материале, ни в старославянском, ни в древнерусском языке они не засвидетельствованы. К этому следует добавить, что конструкции с предикативами на -о зафиксированы и в древнейших славянских [Ходова 1995: 257], и в древнерусских памятниках [Шаламова 1997: 45—46, Пичхадзе 2004, т. 1: 689]. Случаи, совершенно аналогичные обсуждаемому, — с причастием в функции предикатива при существительном несреднего рода в функции подлежащего, отмечены в древнерусской Пчеле [Пичхадзе, Макеева 2008, т. 2: 149, 272]: **злова вьбычна едва исцѣлено бываеть; больша часть воды прилито**. Возможно, правщик текста И76, произведя замену **вино** → **медъ**, оставил сказуемое в прежнем виде, поскольку подобная конструкция была для него допустимой.

⁴ В. В. Нимчук [1985], полемизируя с Федером, исследовал текст Мелецкого сборника в сопоставлении с И76 и заключил, что они имели общую историю на восточнославянской почве. Однако в качестве лингвистического обоснования этого вывода автор привел только один факт, а именно присутствие в обеих рукописях слова **медъ**, в значении ‘хмельной напиток’ а ргіогі принимаемого за русизм. Представляется, что здесь имеет место круговая аргументация. Ведь если в разных рукописях, восходящих к болгарскому протографу, нет общих безусловно восточнославянских инноваций, то и те их общие особенности, языковая природа которых не окончательно установлена, нельзя считать русизмами.

⁵ Пустые клетки означают, что в соответствующем списке нет параллели к данному контексту. Лексемы приводятся в таблице в виде лемм, за исключением случая 10; под таблицей помещены контексты в чтениях И76.

глава		адрес ⁶	И76	П	А	О	М	Другие редак-ции ⁷
Стословец	1	44.13	вино					вино
Наказание Исихия	2	65 об. 9	медъ	вино (=В)	вино	вино	медъ	вино
Книга Сирахова	3	169.11	медъ			вино		вино
	4	175 об. 5	вино			вино		вино
	5	151.5	медъ			вино		
	6	151.6	медъ			вино		вино
	7	151.8	медъ			вино		вино
	8	151.9	медъ			вино		вино
	9	151.12	медъ					вино
Слово Василия Великого	10	106.8	смысловая конъектура			питѣа	медоу-питѣа	вино-питѣа
	11	106.9	медъ			питѣк	медъ	вино
Вопросы и ответы Афанасия	12	133 об. 10	вино		вино	вино	вино (= У)	вино
	13	КИ 12:161				вино	вино	вино
	14	219 об. 3	медъ			медъ	вино	вино
Фрагмент гомилии Златоуста	15	236.11	виньнын	винь-нын (=В)			винь-нын	винь-нын
Сентенция Исихия	16	236 об. 11	вино				медъ	вино
Фрагмент из Лавсаика	17	237 об. 3	вино				медъ	вино
	18	237 об. 6	вино				медъ	вино
	19	237 об. 13	вино				вино	вино
Из гомилии Василия Великого Против упивающихся	20	265.12	медвьнын					
	21	266 об. 6	медъ					
	22	266 об. 8	медъ					
	23	267.10	медъ					
	24	267 об. 2	медъ					
Подборка библейских цитат о пьянстве	25	268.1	вино					
	26	268.12	медъ					
	27	268 об. 2	медъ					
	28	268 об. 4	медъ					
	29	268 об. 6	медъ					
Сентенции Менандра	30	КИ 13:145					медъ	вино
	31	КИ 13:146					вино	вино

⁶ Указываются лист и строка И76; для текстов, не попавших в И76, — глава и рубрика КИ по [Veder 2008].

⁷ В столбце учитываются источники КИ или независимые от него редакции. Сведения о них см. в [Veder 2008] и [И76-2009].

- 44.13 не рьци како хлѣбъ тѣло и вино кръвъ
 65 об. 9 Пни медъ по малоу· кинко бо к съкрачакши· то бл̄годѣтъ ти к
 169.11 Медъ и жены отворатъ (*ѡтврататъ) разоумныа
 175 об. 5 Съ моужатицею отиноудъ не постѣди· и не повесѣдоуи съ нею
 въ винѣ
 151.5—9 о медоу | Въ медоу не моужанса· мѣногы бо погоубилъ медъ·
 горестъ д̄ши мѣногъ пикемъ медъ...
 151.12—13 Въ пирѣ меда не облыган ближняаго...
 106.5—10 Паче же въсего достонитъ члвкоу въздрьжатиса отъ бесѣдъ
 женьскыихъ и срамьныихъ словесъ (конъектура⁸): медъ бо и жены отъ-
 вращають и съмыслыа.
 133 об. 10 виноградъ кгда процвѣтетъ вънѣ на се(лѣ)· то чжктъ вонж
 соущек въ храмѣ вино и цвѣтетъ съ нимъ и то
 КИ 12:161 (по М) Аще кто завѣщаетса съ клятвою· ничто бл̄го
 сътворити яко се нѣколико время вина не въкѣшати· или поститиса или
 ѡ своеа съложница въздрьжатиса
 219 об. 2—4 иже дѣвствьмъ въздрьжатъса· и медоу и масъ и инѣхъ
 въздрьжащеса...
 236.11 кже икзекиа притъчею глааше· ... се бы безаконик содомьско
 яко... въ обилии виньнѣмъ питахоуеса
 236 об. 11 Пни вино по малоу· кинко бо скоудо пиетъса· толико
 бл̄готвори
 237 об. 2—13 (оурокътъмъ бо въкоушан...) лоуче бо съ оуставтъмъ пити
 вино· съ величаниемъ водьноуоумоу питию· и вижъ ми въ мироу вино
 пиющиихъ стынхъ моужъ· и бе-щиноу водоу пиющиихъ моужъ нечистъ·
 и к томоу не хоули или хвали тѣло· нѣ оублажиши оумъ добрѣ или зълѣ
 пиющимъ· пи иногда юсифъ вино въ егѹптѣ· нѣ не врѣди моудрость
 265.12 безмѣрик медвьнок съмыслъ погашактъ
 266 об. 6—8 Сего дѣла не слышатъ оучитель отъвьсюдоу имъ въпи-
 юштинимъ· (Eph 5:18) не оупива итеса медъмъ въ немже нѣсть
 спсєнниа· доколѣ медъмъ въ бѣдоу въпадакши прочек
 267.10 Моужъ страшнъ бывъ ратьнымъ: смѣхоу бывактъ дѣтъмъ
 на оулицахъ· медъмъ съврѣженъ бысть съ кона бе-ждедѣза
 267 об. 1 моужъ самоа тоа върсты носа цвѣ тчы медомъ бысть
 раздроушенъ
 268.1—3 (апла паула:) Не оупивантеса винъмъ въ немже нѣсть
 спсєнниа (см. 266 об. 6)
 268.12 Горестъ д̄ши медъ пикемногъ (sic!)
 268 об. 2—4 въ медѣ не моужанса ни моудрѣствоуи
 268 об. 6—9 Медъ въ веселик дано бысть бг̄мъ· а не на пианьство
 сътворено бысть

⁸ Вероятно, конъектура в И76 и пропуск слова *медоу* в О имеют общую причи-
 ну — дефект в протографе.

КИ 13:145 **Медъ много пиѣмъ мало даеѣтъ смыслити** (М). Ср. в других списках Менандра (по изданию Семенова [1892:13, 20, 29]): **Вино много пиѣмо мало даеѣтъ смыслити** (РНБ, F.I.44); **Многое вино мало даѣтъ смыслити** (Син. 323 и МГАМИД 658). Ср. ὁ πολὺς ἄκρατος ὀλίγ’ ἀναγκάζει φροεῖν ([Körte, Thierfelder 1959] Фрагмент 512. Цит. по TLG)

КИ 13:146 **Многое вино пѣа много нѣдитъ глѣти** (М). В списках Семенова так же: **Многое вино пиѣмо много нѣдитъ глѣти**. Ср.: οἶνον σε πλῆθος πόλλ’ ἀναγκάζει λαλεῖν ([Meineke 1840] Erhippi fr. 4. Цит. по TLG).

Ко всем контекстам, кроме случаев 1 и 5, имеются греческие параллели, см. [И76-2009]. В них везде встречаем οἶνος (в случае 10 — οἶνολοσίας), кроме случая 30, где читается ἄκρατος ‘неразбавленное вино, meгum’⁹. Не считая этого случая, не приходится сомневаться в том, что славянские источники КИ во всех приведенных контекстах содержали чтение **вино**. Списки КИ демонстрируют различное отношение к выбору между вариантами **вино** и **медъ**. Нас интересует вопрос, восходит ли замена **вино** → **медъ** к прототипу КИ или она проводилась позднее, в отдельных ветвях традиции, представленных содержащими **медъ** списками. Попытаемся рассмотреть обе возможности.

Замена **вино** → **медъ** представлена в двух списках — М и И76, восходящих соответственно к старшей и младшей стадии КИ¹⁰. С одной сторо-

⁹ Этот случай представляет проблему. С одной стороны, в греческом тексте неразбавленное вино противопоставлено обычному (οἶνος) по характеру вызываемого им действия (ср. Притч. 20, 1, где вину противопоставляется сикера: ἀκόλαστον οἶνος καὶ ὕβριστικὸν μέθη (др.-евр. sheikhar), τὰς δὲ ὁ συμμειγνύμενος αὐτῆ οὐκ ἔσται σοφός). Можно было бы думать, что **медъ** здесь восходит к архетипу перевода: переводчик выбрал это слово в качестве удобной синекдохи понятия ‘крепкий напиток, отличный от обычного вина’ — подобно тому, как в приведенном ниже месте из Палеи греческому σιγερὰ соответствует **медовина**. Однако в славянских списках *Мудрости* Менандра, изданных Семеновым [1892], в соответствующем месте читается **вино**. Впрочем, отношения между подборкой из Менандра в КИ и списками полного перевода Менандра неясны [Veder 2008, 1: 16]. Не исследована в подробностях и история текста полного Менандра. Ягич [1892а; 1892б] считал, что перевод был выполнен у южных славян не позднее XII в.; Сперанский [1904: 393—414] выделял в сохранившихся списках этого текста три редакции. Другая возможность интерпретации данного расхождения в М и списках полного Менандра состоит в том, что принадлежавшее переводу чтение **вино** было заменено на **медъ** составителем или редактором КИ, который проводил эту замену последовательно по всему тексту. В этом случае неясно, произвел ли он такую же замену и в следующей фразе (КИ 13:146), т. е. восходит ли чтение **вино** в М к прототипу или является результатом обратной замены.

¹⁰ Единственное исключение — чтение списка О в случае 14 — не стоит принимать во внимание: оно встретилось на том участке текста, где О обнаруживает не свойственную ему в целом близость к И76 (л. 321—325, параллели к И76,

ны, кажется, что совпадение этого редчайшего явления в двух родственных рукописях не может быть случайным. Оно также не может быть следствием контаминации текстов разных стадий: ни в М, ни в И76 следов такой контаминации нет. С другой стороны, в трех списках, восходящих, как и И76, к младшей стадии КИ, этой замены нет. Кроме того, распределение вариантов **вино** и **медъ** в И76 и М совпадает лишь частично. Объяснить эту ситуацию можно только тем, что помимо замены **вино** → **медъ** при трансмиссии текстов КИ имела место обратная замена **медъ** → **вино**.

Если посмотреть на соотношение вариантов с этой точки зрения, то первым делом бросается в глаза совпадение П, А и О в случае 2. Однако оно не обязательно возникло случайно, в результате независимой правки, так как не исключено, что Наказание Исихия в этих списках восходит к более поздней стадии трансмиссии, чем та, от которой зависит И76. П и О содержат в этом тексте общие вторичные черты, см. [И76-2009, 1: 6]. Вероятно, еще одной их общей инновацией является замена **медъ** → **вино**, проникшая и в А.

Еще одной причиной расхождений в списках могли быть унифицирующие замены, особенно если в протографе встречались рядом разные варианты. Наконец, колебания между вариантами могут быть следствием механического переписывания текста. Поэтому для решения вопроса о том, восходит ли тот или иной вариант к прототипу КИ (т. е. к той стадии, на которой **медъ** впервые проник в текст), существенны последовательность и частота употреблений обеих лексем в предшествующем тексте. В частности, дополнительным аргументом того, что **медъ** не мог появиться независимо в И76 и М в случае 2, является то обстоятельство, что в обоих списках это первая фиксация данной лексемы (в этом значении), т. е. нет прецедента для проведения замены. Наоборот, в случаях 13 и 14 у редактора М были основания для исправления **медъ** → **вино**, так как несколько раньше в тексте говорилось о вине (12). А если в протографе М в случаях 30 и 31 был **медъ**, то отсутствие в списке обратной замены в первой сентенции может объясняться инерцией письма.

Определить, к какой стадии относится замена в каждом конкретном случае, с полной уверенностью, разумеется, нельзя. Но исходя из общего представления о том, что каждый редактор действовал в рамках определенной стратегии, можно предположить следующую картину изменений. Замена **вино** → **медъ** была проведена на ранней стадии развития КИ (не позднее КИ2) последовательно по всему тексту — во всяком случае, везде, где она сохранилась по крайней мере в одном списке. В нескольких контекстах ей препятствовали особые условия. Сюда относятся случаи, где **вино** выступает как церковная реалья (1), упоминается в связи с технологией виноделия (12) или в историческом контексте (15 и 19). В случае 25

---

§ 903—981) вплоть до повторения грамматических ошибок. Для этой особенности списка О у нас пока нет удовлетворительного объяснения.

замена не была произведена, по-видимому, в связи со ссылкой на апостола Павла: в окружающем тексте редактор последовательно устранял слово **вино** (20—24 и 26—29), и только авторитет имени апостола удержал его от того, чтобы написать **медъ** и в этом случае¹¹. С меньшей долей уверенности можно объяснить отсутствие замены в случае 4: возможно, описанная здесь «куртуазная» ситуация казалась чуждой славянскому книжнику, привыкшему к пирам как к коллективному мужскому занятию.

На следующих стадиях трансмиссии проводилась только обратная замена **медъ** → **вино**¹² — либо последовательно, как в О, либо спорадически, в зависимости от условий контекста, как в И76 в случаях 16—18 (поскольку непосредственно перед и после них сохранялось **вино**) и в М в случаях 13, 14 и, возможно, 31.

Замена **вино** → **медъ** не является фактом лексико-синонимической правки. Так как **вино** — привычнеешая лексема для всякого книжника, то стилистических, литературных причин менять ее не было. Эта причина — прагматически-функциональная. Славянский книжник, заменявший слово **вино** на **медъ** в византийском или библейском по происхождению поучении, делал это с целью приблизить текст к своей аудитории. Это явление того же рода, что замена нарративного повествования с глаголами в 3-м лице императивными конструкциями или переадресация Поучения Василия Кесарийского, написанного для монастырей, к мирянам (И76, гл. 10).

Итак, замена **вино** → **медъ**, по всей видимости, относится к слою радикальных операций, произведенных в текстах при составлении КИ. Обратная замена **медъ** → **вино** проводилась в порядке нормализующей стилистической правки, особенно последовательно — теми редакторами, которые больше заботились о соблюдении книжных норм. Безусловно, книжник,

¹¹ Та же фраза из Послания к ефесянам встретилась в соседнем тексте (21). Очевидно, редактор, проводивший замену **вино** → **медъ**, в первом случае не опознал цитату и обратил на нее внимание только во второй раз, встретив прямое указание на источник. Незнание текста Апостола не вызывает удивления, тем более что данный стих не входит в апракосные чтения. Вероятно, его не знал и переводчик этих текстов: на это указывает своеобразная передача выражения (ἐν ᾧ) ἐστὶν ἁσθητῖα через (**въ немъже**) **нѣсть съпасенна**. В древнем славянском Апостоле ἁσθητῖα обычно, и в том числе в Еф. 5:18, переводится словом **вждъ** (см. [ССЯ, 1: 119]). Правда, в Христинопольском апостоле один раз встречается калькирующее образование **несъпасеник** (1 Птр 4:4), но оно является лишь частичной аналогией нашему случаю: разложив греческое слово на составные части, переводчик не сохранил его морфологическую структуру. В результате произведенных им операций уловить смысл оригинала в славянской фразе можно разве что при помощи обратного перевода.

¹² В противном случае получается, что один и тот же редактор в разных частях текста действовал в противоположных направлениях. Например, если в протографе И76 в тексте Сираха стояло **вино** и его заменили на **медъ**, то почему это не было сделано в случаях 16—18?

работавший над Саратовским сборником (О), был редактором именно такого типа — начитанным, умевшим работать с источниками, ценившим церковнославянскую чистоту стиля. Словоупотребление **МЕДЪ** вместо **ВИНО** в переводных текстах должно было казаться ему варваризмом, и он вносил соответствующую конъектуру. В отличие от него редактор Мелецкого сборника не был пуристом.

Вернемся к вопросу о локализации замены **ВИНО** → **МЕДЪ**. Версии о восточнославянском происхождении этой замены противоречит ее принадлежность к одной из ранних стадий КИ, в которой не обнаруживается несомненных русизмов. Таким образом, текстологические соображения заставляют предположить южнославянскую (древнеболгарскую) локализацию. Какие внетекстологические аргументы (культурные, языковые) можно привести за и против восточнославянской или древнеболгарской локализации?

Рассмотрим возможные аргументы против предположения, что замена **ВИНО** → **МЕДЪ** могла быть не восточнославянской, а южнославянской инновацией. Таких аргументов в принципе можно представить два: (1) **МЕДЪ** в значении ‘хмельной напиток’ не засвидетельствован в древнеболгарских текстах, не подвергшихся редактированию на восточнославянской почве; это связано с тем, что (2) в X в. болгары пили вино и уже не употребляли алкогольных напитков из меда.

Первый аргумент будет рассмотрен ниже. Что касается второго, историко-культурного соображения, то оно нуждается в серьезных обоснованиях. Разведенный и перебродивший мед был основным алкогольным напитком древних славян и одним из важнейших продуктов экспорта в соседние области [Niederle 2000: 221]. Виноградарство возникло у славян, живших к югу от Дуная, до IX в. (у западных и восточных славян — только с XI—XII вв.) [Niederle 1911—1925, I: 214—215], однако это не значит, что в X в. в этих областях перестали варить мед. Культура медоварения существовала на Балканах параллельно с виноделием, что отразилось в многочисленных фактах пересечения терминологий виноделия и пчеловодства в языках этого ареала, а также в славянских заимствованиях терминов медоварения в диалектах неславянских языков, от северногреческих и турецких до румынских [Mladenova 1994]. Ранняя фиксация славянского названия напитка из меда — в греческой передаче μέδος — содержится в «Истории» Приска (сер. V в.), см. [Гиндин, Иванов, Литаврин 1994, 1: 85 и примечание к тексту]. По данным [ЭССЯ 18: 56—72], значение ‘хмельной напиток’ у рефлексов существительного *medъ имеется (помимо восточнославянских языков) только в сербохорватском и польском¹³. В других

¹³ На болгарской лингвистической территории значение напитка у слова *мед* в лексикографии не засвидетельствовано. О. Младенова возводит рум. диал. *mied* ‘виноградный сок’ к древнеболгарскому [Mladenova 1994: 152], со ссылкой на статью **МЕДЪ** в [ССЯ, 2: 200]; однако там приведен только один пример значения ‘напиток из меда’ — из Жития св. Вацлава, которое, во-первых, не является болгар-

языках есть суффиксальные образования: продолжения *medьkъ — в западнославянских, *medovec* — в сербохорватском, чешском и словацком; *medur*, *medenica*, *medovica* — в сербохорватских диалектах [Skok 1971—1974, 2: 396]; во всех западно- и южнославянских языках, в том числе в болгарских диалектах, фиксируется **medovina*¹⁴.

О том, что термин **МЕДОВИНА** существовал уже в древнеболгарском, свидетельствует пассаж из Палеи исторической, изданной А. Поповым по спискам XV—XVII вв. и охарактеризованной им как перевод, выполненный в Болгарии не позднее XII в. В Сказании о Самсоне [Попов 1881: 122—125] шесть раз встречается выражение **ВИНО И МЕДОВИНЫ (НЕ ПИТИ)**, которому в Септуагинте соответствует οἶνος καὶ σικερα¹⁵. О том, что слово **МЕДОВИНА** не принадлежит переводчику, а оказалось в русских списках в результате редактуры, речь идти не может, так как в оригинальных древнерусских произведениях оно не встречается¹⁶. Σικερα передается в старославянских памятниках как **СИКЕРА**, **ТВОРЕНЪ КВАСЪ** или **ОЛЪ** [ССЯ s. vv.]. По крайней мере первое из этих соответствий должно было быть известно болгарскому переводчику Палеи, так как оно фигурирует в Евангелии от Луки (1:15; стих этот, кстати, переключается с Суд. 13:4, 14). Отказавшись от этого варианта, он действовал в манере преславских переводчиков X в.: подбирать аналоги (или создавать семантические кальки) для отсутствующих в их обиходе понятий и реалий вместо кирилло-мефодиевской практики заимствования греческих слов. Очевидно, ближайшим аналогом сикеры — крепкого напитка, отличного от вина и обычно упоминающегося в библейских текстах наряду с ним [Bauer 1958: 750], — для него был хмельной мед.

В сокращенной Палее русской редакции (по списку РНБ, Соф. 1448 XVI в.), составленной, по мнению А. Попова, в Новгороде на основе текста Палеи исторической, в параллельном месте читается (**НЕ ПИИ**) **ВИНА НИ МЕДЪ** [Попов 1881: приложение, 79].

ским памятником, и во-вторых, цитируется по русскому списку XVI в., содержащему в данном месте вторичное чтение (см. ниже). Таким образом, конкретный источник славянского заимствования в румынском остается невыясненным (что, впрочем, не исключает его древнеболгарского происхождения).

¹⁴ Ср. особенно толкование болг. *медовина* как субститута вина в [Героу 1895—1908, 3: 57]: «питие направено отъ медъ и вода съ хмель, пиеса за место вино», а также диал. (родоп.) *медовина* ‘спиртной напиток из меда наподобие вина’ [БЕР: 712].

¹⁵ Греческий оригинал перевода, содержащийся, по предположению Попова, в рукописи из Венской библиотеки, остался ему недоступен. Интересующий нас отрывок представляет собой переложение канонического текста Суд. 13.

¹⁶ Кроме Палеи **МЕДОВИНА** фиксируется в древнерусских рукописях только в одном контексте, в Рязанской, Варсонофьевской и Балашевской кормчих ([СДРЯ, 4: 516]; Картоотека СРЯ XI—XVII): **Аще которы̄ прозвнтер̄ млеко и мѣ^а или в вина мѣсто̄ шловинуоӯ или медовиноӯ или житно̄ или сочна̄ ко шлатарев̄ принесѣ... да извержетъ^{сѣа}**. Очевидно, в русском языке (см. [Даль², 2: 313]) это слово является поздним заимствованием.

В таких контекстах, как Суд. 13: 4 или Лк 1: 15, слова *oivos* и *stikera* не имеют конкретно-предметного значения. Они образуют пару, служащую для обозначения родового понятия ‘крепкие напитки’, как выражение «злато и серебро» обозначает вообще ‘богатство’. Имело ли такой же характер болгарское выражение **вино и медовина**, мы не можем сказать с уверенностью, не имея примеров из оригинальных сочинений. Но в древнерусских памятниках есть примеры подобного употребления выражения **вино и медъ** — например, в Сказании о Борисе и Глебе, Усп. сб. XII в., л. 9г: **Къде... багрница и брѣчины, сребро и злато, вина и медовеє** [Князевская и др. 1971: 45]¹⁷. Показательна замена **пиво** → **вино и медъ** в редакции Жития св. Вацлава в составе макарьевских ВМЧ XVI в. (Соф. 1317, л. 147; цит. по [ССЯ, 2: 200]): **Како хощеши штѣхати братѣ· вино и медъ все цѣло имѣю оу себе**. В других редакциях Жития, сохранившихся в хорватском глаголическом бревиарии XV в. и древнерусском Торжественнике XVI в. (РГБ, ф. 256, № 436), на месте подчеркнутого фрагмента читается **пиво** [ССЯ, 3: 35]. В оригинальной версии этого древнечешского жития слово **пиво**, конечно, имеет обобщенно-родовое значение, которое для русского книжника XVI в. было либо уже непривычным (в связи с тем, что за словом закрепилось узко-конкретное значение), либо недостаточно выразительным. Заменяя его на **вино и медъ** (а не однословное выражение), он, вероятно, стремился стилизовать текст в духе древнерусских житий, опираясь на такие контексты, как приведенный выше из Сказания о Борисе и Глебе.

Подобные примеры, встречающиеся в риторических контекстах, показывают, что в качестве культурных понятий вино и мед выполняли функцию основных представителей своего рода. И в качестве таковых каждое из них претендовало на роль синекдохического представителя всего рода крепких напитков. Конкуренция между ними могла осуществляться в рамках двух оппозиций — во-первых, ‘книжная традиция’ (идущая через переводную литературу от византийской культуры, где вино было вне конкуренции) vs. ‘конкретная реальность’ (после X в. сохраняющая прежнее значение по крайней мере у восточных славян) и, во-вторых, ‘сакральная сфера’ (вино как церковная реалья, часть евхаристии) vs. ‘профанная сфера’. Вместе с тем эта пара терминов была по обеим линиям асимметричной: первый член имел вполне прочную опору и в реальном/светском быту. Конкуренция терминов осложнялась сосуществованием реалий.

Рассмотрим, как ведут себя оба слова (и их производные) в текстах разных жанровых традиций: от бытовых документов (грамот, надписей) до риторически украшенной гомилетики.

¹⁷ Параллельный текст в Житии кн. Ольги XVI в., Пог. 744, л. 12 (включенном во вступительную часть Степенной книги), заимствован вместе с целым пассажем из Сказания о Борисе и Глебе. Данная интерполяция произведена составителем жития Ольги Сильвестром, так как она отсутствует в Никоновской летописи, на которой основано житие [СККДР, вып. 2, ч. 2: 326].

В новгородских грамотах лексема **вино** зафиксирована один раз (грамота № 586), **медъ** — 5 раз, один из них в контексте, допускающем значение ‘напиток’ — в № 605 кон. XI — нач. XII в. [Зализняк 1995: 246]¹⁸. В древнерусских надписях XI—XII вв. встречается **вино** [СДРЯ, 1: 429]. Из древнеболгарского материала, сопоставимого с древнерусскими документальными свидетельствами, нам доступно только небольшое по объему издание грамот болгарских царей, где есть **вино**, **виньнъ**, **винарь**, но не **медъ** [Ильинский 1911].

Ценными источниками для выяснения характера функционирования лексем **вино** и **медъ** являются церковно-канонические тексты. Они занимают промежуточное положение между бытовыми документами и литературными произведениями: с первыми их сближает практическая функциональность, со вторыми — типизация описываемых ситуаций, а также — для славянских текстов — опора на заимствованную из чужой культуры высокоорганизованную традицию. При анализе контекстов будем различать два рода источников: официальные постановления церковных соборов (такие, например, как синтагма XIV титулов, вошедшая в состав Ефремовской кормчей), текстуально относительно устойчивые, и экзегетические произведения («вопрошания», поучения, послания), для которых характерна вариативность в формулировках одних и тех же правил¹⁹.

Мед (в значении хмельного напитка) упоминается в древнейшем древнерусском «вопрошании» — Ответах митрополита Киевского Георгия на вопросы игумена Германа (ГГ) [Турилов 2004: 250—251]: **Аще жидовинъ хлѣвъ принесеть а са^м п^к или ме^д самъ варилъ [или] пиво не приими того** (статья № 20). В параллельной статье № 27 «Правила с именем Максима» (ПМ; текст опубликован в [Смирнов 1912: 53]) также говорится о меде (**Аще жидовинъ испече^т хлѣ^б са^м и принесет^т ли ме^д не приити ѿ него**); в аналогичной (по сути, но не тексту) статье «Правила о верующих в гады» (ПВГ) — памятнике, который С. Смирнов атрибутирует иерусалимскому монаху Афанасию, по происхождению болгарину или сербу, XIII в., — о вине: **Аще що либо wskвьрнитъ ржкож своеж евреннъ емь или въ вино или въ масло или ино что ѿ таковынухъ...** (ст. 20) [Смирнов 1912: 146]. В Пра-

¹⁸ Это послание монаха к другу; автор объясняет, что не смог увидеться с адресатом, так как — очевидно, во время условленной встречи — был послан игуменом к посаднику **медоу дѣла а пришьла есвѣ оли звонили**. Учитывая срочность и важность поручения (так что посланные едва успели вернуться к службе), можно думать, что оно было скорее связано с внезапно обнаружившейся нехваткой хмельного, чем с рутинным пополнением пищевых запасов. При этом неизвестно, какой конкретно напиток был взят у посадника.

¹⁹ Впрочем, необходимо оговориться, что данное разграничение достаточно условно, а часто и вовсе невозможно, так как, во-первых, текстология и источники большинства церковно-канонических памятников не исследованы и, во-вторых, многие из них представляют собой многослойные компиляции, составленные из фрагментов различной канонической ценности.

виле «Аще двоеженец» (ПАД; см. [Смирнов 1912: 74])²⁰ запрет принимать питье от иноверцев сформулирован обобщенно: **Аще пога^н хто хлѣбы принесетъ, или латыни^н, или жи^{до} винъ или пие и гадъ своего доспѣха, не емлите** (№ 44). Такое же варьирование (между конкретными продуктами и родовыми понятиями) встречаем в правиле о съестных припасах, оскверненных мышами, ср.:

ПМ 21 **Аще выпаде^т мы^ш в ме^д или во ино что ти вкуси^т ѿ него не вѣдаа· да поститса .ѣ. дни а въ .ѡ. днь мѣвѣ^ж взе^м кокаетъ.** Тот же текст читается в следующих компиляциях: а) особая редакция Правила из Кормчей Иоанна Схоластика (ст. 20) (ПСК; [Смирнов 1912: 134])²¹ (с добавлением (въ медъ) или въ водоу); б) «Опитемыи св. богоносных отец» 13 [Смирнов 1912: 153].

Епитимийник в Берлинском сборнике (болгарской рукописи) 1-й пол. XIV в., л. 3 об. [Миклас, Тасева, Йовчева 2006: 72]: **Аще мышь или ино что выпадеть. въ выно или въ медъ. или въ водоу или въ ино что. тиѣ выкоусить его не вѣднн .ѣ. днѣ да постит са. и въ .ѡ. днь възметъ мѣвѣж. и причестит са.**

ПВГ 18 (гадь нѣкон...) **Аще ли въ вино выпаде^т или въ елен. и аще въскорѣ шврщется, да изметса, и да приде^т попь и остить е.** [Смирнов 1912: 145].

ГГ 95 **Аще хомакъ или мы^ш или ино что выпаде^т в питье. или въ гаденіе. не вѣдаючи вкуситъ нѣсть за то шпитеми.**

Если в Берлинском сборнике слово **медъ** употреблено в значении ‘напиток’ (а это представляется наиболее правдоподобным толкованием, так как мед здесь упоминается наряду с вином и водой), то это чтение Берлинского сборника является единственным известным нам примером употребления слова **медъ** в значении ‘напиток из меда’ в болгарских рукописях²².

²⁰ Оба Правила являются древнерусскими компиляциями с неясной датировкой; Предложенная С. Смирновым атрибуция ПМ белгородскому епископу Максиму конца XII в. [Смирнов 1912: 339—341] признана неубедительной А. А. Туриловым [2004: 230—231].

²¹ Данная компиляция встречается в составе Устюжской и Иоасафовской кормчих. По мнению С. Смирнова, она имеет южнославянское происхождение и повлияла на ряд древнерусских компиляций, в том числе ПМ и ПАД [Смирнов 1912: 336—337, 350—352].

²² Епитимийник в Берлинском сборнике (известный в литературе под названием «Заповедь св. отец о посте», которое, впрочем, относится лишь к начальной части текста) представляет собой компиляцию, включающую правила различного происхождения, в том числе заимствованные из древнерусских источников [Сперанский 1960: 21—22; Турилов 2004: 220, 225]. Однако, даже если правило об осквернении продуктов мышами имеет древнерусский оригинал (во всяком случае, не ГГ, где, как видим, аналогичное правило имеет совсем другой вид), его конкретное текстуальное наполнение принадлежит болгарину — составителю Берлинского сборника. В другом тексте Берлинского сборника (правда, в утраченной его части,

В этих примерах лексемы **медъ** и **вино** не имеют явного расширительного значения, однако обозначаемые ими реалии приводятся в качестве основных или наиболее типичных представителей рода напитков²³. В синекдохическом, родовом значении оба слова встречаются в широко распространенной формуле, предписывающей воздержание от хмельных напитков (как правило, наряду с животной пищей). В текстах, восходящих к авторитетным византийским источникам, встречаем только **вино** в соответствии с неизменным в соответствующей греческой формуле словом οἶνος. Воздержание **отъ мѣсъ и вина** (иногда с добавлением **млека** или **масла**) неоднократно упоминается в Ефремовской кормчей (переводе византийской синтагмы XIV титулов) [Бенешевич 1906—1907: 33, 47, 73; 1987: 123], а также в епитимийных компиляциях: «Правилах св. апостол» в кирило-белозерском сборнике XV в. [Смирнов 1912: 61, № 10, 1], Заповеди «Аще епископ» из Номоканона XIV в. в РНБ, Q. II, № 80 [Там же: 137, № 21, 23]. **Медъ** встречается в той же формуле в экзегетических сочинениях, в частности уже в ГГ: **Аще ли кто впа^д въ ер^с... при^ме^т опитемію... ѿ комканіа. и ѿ доры. и ѿ мѣса. и ѿ масла. и медоу...** ст. 20 [Турилов 2004: 237]²⁴; затем — в «Вопрошании Кирика» [Павлов 1880: 22, 49—50]: **пакты начнетъ слоужити, опитемью держа ѿ медоу, ѿ мѣса, ѿ молока (1); аже моужь боудеть грѣшенъ человекъ... азъ ли заповѣдь дати кмоу... еже отиноудъ кмоу не гисти мѣсъ, ни медоу²⁵ пити... (95)**²⁶.

которая восстанавливается по близкой рукописи РНБ, Гильф. 42, XVI в., серб.) — «Заповеди св. отец о Великом посте» — встретилось словосочетание **квасъ медныи: Вына же или кваса меднаго. по чаши испивати** [Миклас, Тасева, Йовчева 2006: 43]. В параллельном тексте «Устава о посте», входящего в древнерусскую Соловецкую Кормчую 1493 г., прилагательное **медныи** отсутствует: **а питѣа удина чаша мала квасъ** [Смирнов 1912: 182].

²³ Неясно, в каком значении употреблено слово **медъ** в ст. 33 «Вопрошания Кирика»: **Аще се и родоу и рожаницѣ крають хлѣбъ, и сыръ, и медъ? — Боронаше велми: нѣгдѣ, рече, молвить: «горе пьюшимъ рожаницѣ!»** [Павлов 1880: 31]. В вопросе речь идет вроде бы о неразведенном меде, который можно резать, как хлеб и сыр. Впрочем, слово **медъ** можно понимать и как напиток, если предположить эллипс глагола со значением ‘возливать’. В ответе говорится только о возлияниях, хотя очевидно, что запрет распространяется и на еду.

²⁴ Возможно, слово **медъ** или вся формула **ѿ мѣса. и ѿ масла. и медоу** добавлена составителем «Вопрошания», так как в параллельной статье ПМ эта формула отсутствует (епитимия ограничивается запретом присутствовать на церковных службах), в ПСК заменена одним словом (**да постигьса**). В ПАД вместо слова **медъ** читается **питица**.

²⁵ В списке Увар. 559, содержащем Особую редакцию «Вопрошания Кирика», находим интерпретирующее чтение **ни пити медоу ни вина** [Смирнов 1912: 3].

²⁶ В сходном контексте эксплицитное противопоставление вина и меда как атрибутов книжной и национальной культуры содержится в сочинении более поздней эпохи — Посланиях о епитимьях Иосифа Волоколамского: *И все дни разре-*

В русских летописях²⁷ термины **вино** и **медъ**, как правило, имеют конкретное значение: контексты позволяют разграничить соответствующие реалии²⁸. В случаях, когда речь идет о родовом понятии ‘хмельные напитки’, в летописях используется лексема **вино**:

(а) в описаниях ритуальных запретов: у индийских аскетов — **мась не гадүще ни вина пьюще** ЛИ 7, ЛЛ (цитата из Хроники Георгия Амартола); у мусульман — **свинины не ѣсти а вина не пити** ПВЛ под 986 г. (ЛИ 33, ЛЛ, ЛН1);

(б) рядом с библейской цитатой: **лютѣ во граду тому въ немже князь оунъ** (Еккл. 10:16) **люба вино пити со гоуслми** ЛИ 52, ЛЛ, под 1015 г.;

(в) о хозяйственных запасах: **Данилъ же въз дворъ Соудиславль. такоже вино и वोца и корма. и копии. и стрѣлъ. пристраньно видити** ЛИ 257, под 1229 г.

В примерах (а2) и (б) выбор термина, возможно, обусловлен спецификой контекстов; пример (в) свидетельствует об использовании слова **вино** в обобщенном значении в местном быту — очевидно, что в поместье галицкого боярина хранилось не только вино, но и другие напитки.

В некоторых случаях можно предполагать расширительное употребление слова **вино**, в значении ‘некий (неважно какой) хмельной напиток’:

(а) **приѣхаша... на Днѣстръ. и насъггишася рьвѣ и вина** ЛИ 250, под 1213 г.;

(б) в эпизоде убийства Андрея Боголюбского: **шедше в медүшю и пиша вино. сотона же веселашеть ѣ в медүши... и тако үпившеся виномъ. поидоша в сѣни** ЛИ 207, ЛЛ под 1175 г.;

шити... и мясо, и на сыры, и на вѣно, а по нашему обычаю, на медъ... [Смирнов 1912: 228, 233]. Однако это противопоставление второстепенно: оба понятия отвечают конкретной реальности и делят центральное место в сфере хмельных напитков. Это видно из взаиморасположения слов *вино* и *медъ* в следующих случаях: *меду не пити, ни пива, ни вина* [Там же: 229]; *вина и меду в те три дни не пити* [Там же: 230].

²⁷ Текст летописей цитируется по изданиям [ПСРЛ1; ПСРЛ2; Насонов 1950]. Используем стандартные сокращения, принятые в СДРЯ XI—XIV вв.: ПВЛ — Повесть временных лет, ЛИ — Ипатьевский свод, ЛЛ — Лаврентьевский свод, ЛН1 — Новгородская летопись 1 по Синодальному (Син.) и Комиссионному (Ком.) спискам. При совпадении чтений в нескольких списках номер листа указываем только для первого.

²⁸ **Медъ** (напиток) фигурирует в эпизоде тризны (ПВЛ под 945 г., ЛИ 22 об., ЛЛ, ЛН1 (Ком.)); с упоминанием о его приготовлении (варке) (ПВЛ под 996 г., ЛИ 47, ЛЛ, ЛН1 (Ком.), ЛН1 под 1016 г. (Син. 1) и 1233 г. (Син. 116)); как товар или предмет дани (ПВЛ 946 г., ЛИ 23 об., ЛЛ; 969 г., ЛИ 27, ЛЛ, ЛН1 (Ком.), ЛН1 под 1071 г. (Ком. 91)); среди хозяйственных запасов (ЛИ под 1146 г., 122 об.). **Вино** в конкретном значении упоминается как продукт греческого производства (ПВЛ под 907 г., ЛИ 12 и 12 об., и 969 г., ЛИ 27, ЛЛ, ЛН1 (Ком.); ЛН1 под 922 г. (Ком. 31)); среди хозяйственных запасов (рядом с медом, ЛИ 122 об., 123).

(в) (Батый князю Даниилу) присла вина чюмъ и рѣ не въбыкли пити млока. пни вино ЛИ 271, под 1250 г.

Пример (в) явно содержит отсылку к приведенному выше месту из ПВЛ под 986 г.: здесь существенно не то, какой именно напиток поднесли Даниилу, а противопоставление хмельного напитка безалкогольному. Особенно показателен пример (б) — употребление слова **вино** в соседстве с **медоуша** (рядом с которым естественно было бы ожидать **медъ**) свидетельствует о том, что в языковом узусе летописца именно за ним было закреплено обобщенно-родовое значение.

Слово **медъ** в расширительном значении в летописях не встречается ни в одиночном употреблении, ни в паре с другими лексемами. Впрочем, парные синекдохи, обозначающие хмельные напитки, для летописей вообще нехарактерны — нам известен только один пример, и в нем вторым членом выступает не **медъ**, а **олъ**: **да не боудеть емоу пристанъка... да ходитъ шатагаста во странахъ желанне брашна да не боудеть емоу вина же и млоу по скоуду да боудеть емоу...** ЛИ 254, под 1226 г.

В оригинальных древнерусских агиографических сочинениях, помимо выражения **вина и медове** в Сказании о Борисе и Глебе, слово **медъ** в значении ‘хмельной напиток’ не фиксируется. То же относится к древнерусским гомилетическим произведениям — напротив, ср. **вино** в расширительном значении в Послании митр. Илариона [СДРЯ, 1: 429].

Наличие у слов **вино** и **медъ** расширительного значения могло служить предпосылкой для их взаимной замены (в контекстах, допускающих такое значение) при редактировании славянских текстов. Вне круга рукописей, восходящих к КИ, нам известно только два примера расхождений **вино** : **медъ** в различных редакциях одного памятника. Первый пример содержится в древнерусской редакции Пандектов Никона Черногорца (по спискам XIII—XIV вв.), в отрывке из жития Иоанна Милостивого (Слово 23). Чтению сербских списков, содержащих южнославянскую редакцию: **колико ксть тѣхъ иже желаютъ понѣ wobнѣти вино проливакмок въ моки винници** οἶνον τοῦ ἐκχυομένου εἰς τὸ ἐμόν κελλάριον — в русских списках соответствует **медъ проливакмъ въ моки медоуши**²⁹; этот вариант, возможно, появился в результате вторичной замены³⁰. В списке РГБ, Тр. III

²⁹ Цит. по [Павлова, Богданова 2000: 292] и [Пичхадзе 2006], где добавлены данные не учтенных в издании списков.

³⁰ Данное разночтение обсуждалось в связи с дискуссией о соотношении русской и южнославянской редакций Пандект. Т. Славова [2003: 274] настаивала на первичности варианта сербской редакции ввиду его соответствия греческому оригиналу, К. А. Максимович [2004: 61] аргументировал противоположную точку зрения на основании того, что русская редакция содержит *lectio difficilior*. Первичность русской редакции в целом была на обширном текстологическом материале доказана в [Пичхадзе 2006]. Вместе с тем, как показала А. А. Пичхадзе, русские

III, 669, XV в., представляющем особую (неустановленного происхождения) редакцию Жития, встречаем третий вариант этого разночтения (отношение которого к первым двум неясно): **вино проливакмок в моен медвѣнници.**

Второй пример расхождения **вино** : **медъ** встретился в Слове о богатом и Лазаре, греческим оригиналом которого является одна из гомилий «О милостыни», атрибутированных в византийской рукописной традиции Иоанну Златоусту — [CPG 4705, PG 64: 433—444]. Славянская версия этого сочинения входит в состав двух сборников — так называемого Торжественника (в одной рукописи со Златоустом, РНБ Ф.п.1.46) и Троицкого сборника XII—XIII вв. (РГБ, Тр. 12), л. 1—5³¹. Между этими списками имеются существенные различия. Торжественник содержит некоторые отклонения от греческого текста, изданного Минем, однако оказывается ближе к нему во всех случаях расхождений с Троицким сборником. Таким образом, в Торжественнике представлена версия, близкая к архетипу перевода, в Троицком сборнике — позднейшая редакция. Разночтения Троицкого списка в пассаже с описанием пира богача заключают в себе исключительно интересный лексический материал, в том числе гапаксы неизвестного происхождения (**чамъри**, **шемълизи**), германские заимствования (**търтове**, **шьпникве**), а также слова, засвидетельствованные только в древнерусских памятниках: **вѣкъша** в значении ‘деньги’, **перина** (кроме Тр. 12, фиксируется в древнерусской Пчеле), **пѣтъка** (Срезн.; в ССЯ — только **пѣтица**). Относительно локализации этой редакции трудно дать определенное заключение. Внесенные редактором изменения являются образцом макаронического стиля, в котором уживаются названия как местных, так и иностранных реалий. Они образуют специфический слой интернациональной лексики, характеризующийся более интенсивной миграцией и меньшей устойчивостью терминов, чем в условиях гомогенной языковой среды и традиционного быта. Языковые предпочтения редактора проявляются, по-видимому, в немногочисленных лексических инновациях, которые встречаются вне описания пира. Среди них находим одну типично восточнославянскую замену: **мѣдѣнници** → **вѣкъши** (л. 3, в пересказе евангельского эпизода Мк. 12: 42).

Приведем только те фрагменты обоих списков, в которых присутствуют лексемы **вино** и **медъ** (при наличии соответствия в греческом выделяем их подчеркиванием, в противном случае — курсивом):

списки прошли редактуру в отдельных местах, в частности в отрывке из Жития Иоанна Милостивого, и данное чтение относится к числу возможных инноваций, внесенных при этой редакции [Там же: 78].

³¹ Текст опубликован И. И. Срезневским [1867, вып. 3: 28—33] по Торжественнику, с разночтениями Троицкого сборника.

В Торжественнике **МЕДЪ** отсутствует; **ВИНО** выступает единственным представителем рода напитков, в том числе и в фрагменте 2, не имеющем точного соответствия в греческом тексте, т. е., возможно, измененном славянским переводчиком или редактором³². Редактор Тр. 12 переработал и расширил описание пира гастрономическими подробностями, отделив еду от напитков. При этом **ВИНО** в начале пассажа, перед списком блюд (разночтение 1), было устранено и перенесено в перечень напитков, где оно занимает скромное место, уступая по важности меду (или разным видам меда: неясно, следует ли понимать выражение **МЕДЪ ЧИСТЫИ· ПЪПЪРАНЪИ** как обозначающее один или два напитка, соответственно возможным значениям прилагательного **ЧИСТЫИ** — ‘превосходный’ или ‘беспримесный’, т. е., в отличие от **ПЪПЪРАНОГО**, без добавления перца). В разночтении 3 вариант **ВИНО**, несомненно, первичен, а **МЕДЪ** внесен редактором версии Тр. 12, явно предпочитавшим это слово в качестве обозначения хмельного напитка *par excellence*.

Надежных случаев непосредственного (а не на стадиях последующей редактуры) перевода греч *οἶνος* через **МЕДЪ** не зафиксировано: и в южнославянских, и в восточнославянских [Пичхадзе 2006: 78] переводных произведениях регулярным соответствием этого греческого слова является **ВИНО**. Однако в некоторых переводных произведениях (южнославянских X в.) засвидетельствованы суффиксальные образования от сущ. **МЕДЪ** в значениях, связанных с изготовлением и использованием вина:

(1) **старенишна медарьскъ**: *ἀρχαιοπόθος* 8 раз в Пятикнижии, в эпизоде толкования снов Иосифом (Быт. 40—41). Чтения совпадают во всех списках четъего текста (как древнерусских, так и южнославянских), учтенных А. В. Михайловым [1908], а также в Геннадиевской библии [Горский, Невоструев 1855: 17]. Помимо этого пассажа, прилагательное медарьскъ в памятниках не засвидетельствовано; существительное медарь в значении ‘pincerina’ отмечено только в [Miklosich 1862—1865], со ссылкой на гомилиарий Михановича³³. Рефлексы *medarъ представлены в южно- и западнославянских языках (македонском, сербохорватском, словенском, старочешском, чешских диалектах) в значениях ‘бортник’, ‘продавец меда’ и т. п. [ЭССЯ 18: 43].

(2) **медвьница**. Нам известно два контекста с этим существительным: в древнеболгарском переводе Лествицы (гл. 20:10) в соответствии с греч. *ληνός* ‘виноградное точило’: **БОГАТСТВО ДЪЛАТЕЛЕМЪ ВЪ ГОУМЪНЪ И МЕДВЬНИЦЪ** (*ληνῶ*) **СЪБИРАЕТСЯ** Рум. 198, XII в., л. 116г, Рум. 199, XIII в.,

³² В то же время нет сомнений в том, что фрагмент 2 в Торжественнике первичен по сравнению с Троицким сборником, где весь пассаж есть позднейшая вставка, ни логически, ни синтаксически не связанная с окружающим текстом.

³³ К сожалению, не удалось увидеть контекст ввиду недоступности издания [Aitzetmüller 1957].

с. 175³⁴; и в значении ‘винный погреб’ — в Житии Иоанна Милостивого по списку Тр. III 669 (контекст приведен выше).

Слова **медарьскъ** и **медвѣница**, по-видимому, принадлежат архетипам соответствующих текстов (поскольку в списках нет разночтений). Но даже если какие-то из этих случаев появились в результате вторичной замены, это вряд ли произошло на восточнославянской почве, так как в древнерусских текстах данные лексемы не фиксируются; вместо первой (в значении ‘*ripsepa*’) используются церковнославянские лексемы **винарь** или **виночърпини**; вместо второй — **точило**, а в значении ‘винный погреб’ — специфически русское слово **медоуша**. По-видимому, лексемы **медарь** / **медарьскъ** и **медвѣница** в значениях, засвидетельствованных приведенными контекстами, следует рассматривать как реликтовые болгарские диалектизмы, свидетельствующие о том, что на предыдущей стадии языкового развития для обозначения родового понятия ‘хмельной напиток’ служило слово **медъ**. В этом своем качестве оно уступило место лексеме вино вслед за изменениями внеязыковой реальности. Производные слова, как более инертные, сохранились и на следующей стадии³⁵.

Подводя итоги этого краткого обзора распределения и функционирования лексем **медъ** и **вино** и их производных в древнеславянских памятниках домонгольской эпохи, можно констатировать:

³⁴ В словаре Востокова [Востоков 1858—1861: 210] этот случай приводится с интерпретацией ‘погреб для медов и вин’ (воспроизведенной в [Miklosich 1862—1865: 364] и [Срезн. 2: 120]) — т. е. подразумевается неточный перевод, который, однако, не мотивирован контекстом (где речь идет об обработке, а не хранении зерна и вина). Слово *κελλάριον* ‘погреб’ в греческом оригинале Лествицы не встречается. В том же переводе Лествицы (гл. 7:35) слово *ληνός* передано при помощи регулярного соответствия (см. [ССЯ, 4: 556]): **не вѣроуи своимъ источникомъ предъ свѣршеннымъ очищениемъ не бо имать вѣры вино вѣскорѣ ѿ тѣскъ** (τῶν ληνῶν) **затваряемо** Рум. 198, л. 71. Но в интересующем нас случае контекст несколько иной — здесь имеется в виду не сам пресс, а место, где давят виноградный сок. Возможно, слово **медвѣница** все же употреблено в значении, точно соответствующем греческому, — ‘виноградный пресс’ или ‘давиляня’ (по аналогии с *‘место, где обрабатывают собранный мед’); тогда данный случай оказывается в одном ряду с описанными О. Младеновой фактами взаимопроникновения винодельческой и медодельческой терминологий в балканских языках (см. выше). Такое же чтение содержится в редакции древнеболгарского перевода, которую относят к XIV в. [Попова 2006: 290], в списке Тр. 10, л. 110 об. Во втором южнославянском (афонском) переводе Лествицы находим другое, стандартное соответствие **точилѣ** Тр. 156, 122 об. (список киприановской редакции [Там же: 291]).

³⁵ Такому соотношению обозначений простого и производных понятий можно привести множество аналогий, например: рус. *житница* и *хлеб*; новогреч. *αρτοπλεῖο* ‘булочная’ и *ψωμί* ‘хлеб’.